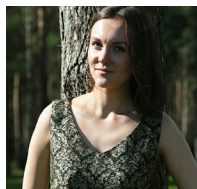

Полевые исследования

Страх и тревога как часть женских пространственных историй в городе ¹

DOI: 10.19181/inter.2019.17.3

Яна Багина²

Статья посвящена страху и тревоге, которые возникают у женщин при передвижении по городу и которые связаны с насилием со стороны мужчин. Эта тема активно развивалась в рамках англо-американской феминистской географии и криминологии еще в 1970–90-х годах. Я предпринимаю попытку ответить на вопрос: в каких городских ситуациях женщины испытывают такого рода страх и тревогу. В качестве теоретической рамки и языка описания используется подход географа Дорин Мэсси, дополненный идеями из области эмоциональной географии и социологии эмоций. Отвечая на поставленный вопрос, я опираюсь на материалы 10 полуструктурированных интервью с молодыми женщинами в возрасте от 18 до 25 лет, жительницами нецентральных районов Москвы и ближнего Подмосковья. Анализ включает в себя две части. В первой части я говорю о конструировании страхов, связанных с женской безопасностью. В ней, во-первых, проводится различие между страхом и тревогой. Во-вторых, обращается внимание на агентов, участвующих в конструировании страхов-угроз. Во второй части я описываю городские ситуации как сочетания «пространственных историй» (термин Мэсси), приводящие или не приводящие к возникновению страха и тревоги. Они рассматриваются как гендерные порядки, характеризующиеся властным доминированием мужчин. Женские страхи при этом воспроизводятся независимо от того, предпринимают ли мужчины те или иные действия, свидетельствующие о явной угрозе безопасности. Сочетания материальной городской среды (улицы, транспорт, освещение и т.д.), людей в ней находящихся («безопасных других», «сомнительных личностей», «спутников»), природных (время суток) факторов подвижны, изменчивы, ситуативны и не могут быть сведены к какой-либо «формуле страха». Важной частью таких гендерных порядков, связанных со страхом и тревогой по поводу угрозы насилия со стороны мужчин, являются стратегии совладания. Они изменяют распределение властных отношений внутри ситуации, меняя сами женские пространственные истории.

¹ Автор благодарит доцента НИУ ВШЭ, к.социол. н. Запорожец О.Н. за ценные комментарии и предложения в процессе проведения исследования и написания статьи.

² Багина Яна – магистрантка факультета социальных наук НИУ ВШЭ, yana.bagina@yandex.ru

Ключевые слова: город, пространственные истории, страх, тревога, женщины, гендерный порядок, стратегии совладания

Введение

В России на публичное обсуждение все чаще выносятся темы, проблематизирующие женский городской опыт с точки зрения безопасности и возникающих в связи с ней эмоций тревоги и страха. Обсуждение женской безопасности и связанных с ней травматических опытов происходит преимущественно в рамках феминистских инициатив: в исследовательско-активистском проекте «Урбанфеминизм», школе «Феминизм и город» (2018), онлайн-флешмобе #ЯНеБоюсьСказать (2016). Вместе с тем вопросы женской безопасности и страхов поднимаются не только в активистском дебате, но и в научной дискуссии, уже несколько десятилетий развивающейся в рамках феминистской географии и криминологии (Bondi, Rose, 2003). Проведенные исследования отмечают, что основным страхом, переживаемым женщинами в городском пространстве, связан с угрозой сексуального насилия, при этом, парадоксальным образом, он не зависит от реального уровня преступности.

Базовый тезис феминистских географов заключается в том, что возникновение страха перед насилием со стороны мужчин связано с определенными пространственными контекстами. В частности, это места, ассоциирующиеся с недостатком социального контроля (Valentine, 1989), а также территории, воспринимаемые как «криминальные» и «опасные» (Valentine, 1989; Koskela, Pain, 2000). В таких исследованиях страхи оказывались в некотором смысле «привязанными» к физическим местам, а не соотносились с более сложной системой координат и обстоятельств, главным действующим лицом которых была женщина. В своей статье я фокусируюсь на опыте горожанок как мобильных субъектов, которые в своих перемещениях по городу сталкиваются с ситуациями страха и тревоги, а не просто с местами. Я предпринимаю попытку ответить на вопрос о том, в каких городских ситуациях горожанки испытывают страх и тревогу, связанные с угрозой насилия со стороны мужчин.

Пространственные истории города

Мое исследование женского страха перед насилием основывается на внимании к телесности передвижения (де Серто, 2015; Augoyard, 2007), его эмоциональному и сенсорному аспектам (Lorimer, 2005; Thrift, 2008; Pile, 2010). Процесс мобильности при этом становится главным фокусом исследования в духе «парадигмы новых мобильностей», а сам город рассматривается как образуемый траекториями разнообразных движений (Sheller, Urry, 2006). Подобная перспектива рассмотрения требует языка описания, чувствительного к перемещениям, их процессуальности. Такой язык предлагает Дорин Мэсси – важный автор в области географии, но, к сожалению, малоизвестная в русскоязычной дискуссии.

Мэсси описывает городское пространство как продукт взаимодействия гетерогенных пространственных историй¹ (spatial stories), находящийся в постоянном изменении (Massey, 2005: 9–11). Ее подход предполагает, что

¹ Дорин Мэсси использует два варианта термина как взаимозаменяемые: пространственные истории и пространственные траектории. Несмотря на то, что эти понятия являются одними из ключевых, она не дает им достаточно четкого определения, что оставляет место для интерпретаций. Мэсси отмечает, что оба термина имеют другие коннотации, сама же она использует их для того, чтобы подчеркнуть темпоральность феноменов, процесс их изменения (Massey, 2005: 12). В

пространство конструируется разнообразными историями, а не существуют как данность. Под историями Мэсси подразумевает процессы изменения пространственных феноменов (Massey, 2005: 12). Такими феноменами могут быть не только люди, находящиеся в движении, но и материальные объекты городской среды, природные явления¹. Подобное понимание пространства предполагает, что взаимодействие этих феноменов изменчиво: в нем устанавливаются новые связи, разрушаются старые, некоторые связи вовсе не формируются. Именно это позволяет говорить о пространстве как о том, что производится в ситуации здесь-и-сейчас.

Подход, который предлагает Мэсси, представляется мне полезным по трем причинам. Прежде всего, он обращает внимание на мобильность горожанок, их пространственные истории, то есть на социальную жизнь в движении. Он также помогает подчеркнуть крайнюю ситуативность и событийность городского пространства. И, наконец, внимание к городским ситуациям дает возможность включить в анализ эмоции, которые также не являются неизменными. Они появляются при тех или иных обстоятельствах, меняются, угасают. Опираясь на идеи Мэсси, я, таким образом, рассматриваю страх и тревогу как часть процесса эмоционального и сенсорного восприятия городских ситуаций² – взаимодействий людей, материальной среды, природных историй.

Страх перед насилием и гендерные порядки

На возникновение страха и тревоги в пространственных историях горожанок влияет не только складывающаяся здесь-и-сейчас городская ситуация, но и некоторые социальные факторы. Социологический подход к эмоциям в целом и страху в частности предполагает, что они социально обусловлены и встроены в социальные отношения (Симонова, 2016). В работах социальных теоретиков современные западные общества описываются как крайне тревожные, что связывается с неопределенным характером будущего (Бауман, 2008; Бек, 2000; Гидденс, 2011). Социологи эмоций также говорят о существовании особой культуры страха в позднесовременных обществах – «обобщенного климата страха» (Симонова, 2016; Furedi 2007). Она характеризуется широким распространением «слабых», небольших по масштабу, индивидуализированных страхов, оторванных от реальных угроз, их проникновением в разнообразные сферы повседневной жизни (Furedi, 2003; Furedi 2007).

Страх перед насилием со стороны мужчин в городе является не только проявлением общего страха перед преступлениями, но и имеет гендерную специфику. Он рассматривался феминистскими географами как пространственное выражение патриархатной системы гендерных отношений (Valentine, 1989), при которой воспроизводится образ женщин как физически слабых, уязвимых перед насилием со стороны мужчин, объектов агрессивной мужской сексуальности (Bondi, Mehta, 1999; Day, 2001). Однако женский городской опыт может быть рассмотрен не просто как история ограничений, в частности страха за свою

русском языке, на мой взгляд, понятие «история» синонимично «повествованию» или «рассказу» как описанию того, что происходит.

¹ Пространственными историями, как пишет Мэсси, также могут являться нематериальные вещи – идеи.

² Сама Мэсси описывает динамические взаимодействия пространственных историй как «места» (places). Однако смысл, вкладываемый ею в это понятие, настолько отличается от традиционного понимания мест, что использование этого понятия внесло бы путаницу. Именно поэтому я говорю о городских ситуациях, образованных разнообразными историями, а не о местах.

безопасность, но и как история активного присвоения пространства города, что делает Элизабет Уилсон (Wilson, 2001). Такой подход предполагает вариативность гендерных отношений в пространстве и во времени. Более четкую форму эта идея приобретает в работе уже упомянутой Дорин Мэсси. В ее трактовке городские пространства, с одной стороны, отражают сложившиеся гендерные отношения, с другой – влияют на их изменение (Massey, 1994: 178–180). Такое со-конструирование гендера и пространства подразумевает разнообразие городских гендерных порядков как систем идеологических и материальных практик, через которые воспроизводятся гендерные отношения (Pilcher, Whelehan, 2004: 61). Страх и тревога, таким образом, могут рассматриваться как элемент конкретной ситуации, в которой конструируется определенный гендерный порядок.

Опираясь на работы исследователей эмоций, я определяю женский страх перед насилием как социально обусловленное переживание, связанное с ожиданием насильственных действий со стороны мужчин (Barbalet, 1998), зависящее от степени их отсроченности во времени и пространстве (Tudor, 2005). В некоторых работах тревога считается разновидностью страха (Tudor, 2005), однако эти состояния также могут быть рассмотрены как родственные, но отличные друг от друга (Bourke, 2003). Выделяемая отдельно, тревога связывается с предполагаемой, неявной, неопределенной и крайне отсроченной угрозой. В эмпирической части это различие будет рассмотрено более подробно.

Страх и тревога: определение, различие, изменчивость

В этой части работы я опишу особенности возникновения и конструирования страха и тревоги, приводящие к ним сочетания пространственных историй, и покажу, как меняется женская мобильность под влиянием этих переживаний. Я буду опираться на материалы десяти полуструктурированных интервью с молодыми женщинами 18–26 лет, проживающими в нецентральных районах Москвы и ближайшем Подмоскowie. Выборка являлась гомогенной, что позволило полнее описать одну из интересующих подгрупп. Особенностью выборки было то, что ни одна из информанток не переживала насилие в публичных пространствах, однако все они сталкивались с ситуациями страха и тревоги за собственную безопасность.

Передвижение по городу подразумевает широкий спектр чувств и эмоций, возникающих при взаимодействии с различными городскими ситуациями: от эстетического удовольствия, спокойствия или безразличия до дискомфорта от многолюдности, страха и тревоги за собственную безопасность. Более того, страх перед насилием вписывается в более общую систему городских страхов, куда входят, например, угроза терактов, аварии на транспорте, получение травм в толпе или из-за погодных условий, нападение бродячих животных и т.д. Тревога и страх перед насилием, таким образом, представляют лишь некоторую часть эмоционального опыта горожанок.

Угроза насилия со стороны мужчин связана преимущественно с ограблениями, физическими увечьями, изнасилованиями, убийствами¹. Информантки в разговоре не всегда четко обозначали эти угрозы, если вопрос не был задан напрямую: «вроде безопасный район, но мало ли что-то, я не знаю», «всякое случается», «вдруг что-то произойдет», «чего я боялась – непонятно»; «встретила

¹ Понятие «страх» описывает не только актуальное эмоциональное переживание, но и указывает на угрозу безопасности. Например, «страх перед ограблением» или «городские страхи». В дальнейшем слово «страх» будет использоваться в обоих смыслах.

какого-то мужика, я понимала, что как бы это...». Угроза, таким образом, становится фигурой умолчания, а в ситуации интервью происходит апелляция к разделяемому с интервьюером опыту.

Степень определенности угрозы является ключевым отличием страха от тревоги и главным критерием силы каждого из этих переживаний: они подразумевают разную оценку вероятности и определенности угрожающих событий, их отсроченности во времени и пространстве. Объект тревоги сложно назвать, он не является очевидным. В случае же страха объект является более явным, поддающимся артикуляции.

Сами информантки могли не делать различий между этими состояниями и описывали их как страхи, несмотря на разную степень интенсивности чувств и форму их проявления. Это можно продемонстрировать на следующем отрывке из интервью. В этом примере неинтенсивные чувства, связанные с отсутствием явной угрозы безопасности, описываются как страх, но я определяю их как тревогу.

«Естественно, любое передвижение в темное время суток по безлюдному пространству вызывает страх, но не панический, а такой как бы, совсем-совсем. Он есть, но жить он не мешает» (интервью № 2, 21 год).

В свою очередь, страх чего-либо указывает на большую вероятность совершения события или же его фактическую неотвратимость.

«И тут выходит компания пьяных мужиков из магазина и начинает ругаться между собой, и видно, что они не очень адекватные. И до нас так вяло доходит, что сейчас прилетит всем» (интервью № 2, 21 год).

Страх и тревога варьируются в зависимости от интенсивности переживания, что находит воплощение в языке описания. Приведу некоторые примеры того, как эти эмоции описывались самими информантками: «понимаю, что немножко тревожно, и я вследствие этого напрягаюсь», «состояние on alert, то есть как бы начеку», «не панический <страх> а такой как бы, совсем-совсем», «было очень страшно, что сейчас что-нибудь сделает». Однако сами по себе эмоциональные словари не являются надежным способом понять силу переживания, для этого необходимо обращать внимание на контекст возникновения эмоций, язык описания событий в целом.

Различая страх и тревогу, я пытаюсь показать, что переживания относительно безопасности различны по своему проявлению и восприятию окружающих событий. Дополнительную сложность этим эмоциям добавляет их зависимость от других переживаний. Текущие события меняют эмоциональные переживания, но и чувства, существовавшие до этого момента, влияют на проживание текущих событий: уверенность и спокойствие сменяются тревогой, тревога из-за повседневных забот провоцирует тревогу по поводу безопасности, эмоциональное возбуждение притупляет тревогу и т.д. При этом такие изменения находят телесное выражение, то есть воплощаются в изменении выражения лица, положения тела, характера ходьбы.

«И иногда, когда ты очень сильно чем-то расстроен или что-то такое, есть у меня такое чувство, что твоя походка, она меняется. Вот если я чувствую себя miserable, тогда да, <я чувствую себя небезопасно>» (интервью № 1, 21 год).

Страх перед насилием, таким образом, нельзя свести к одной эмоции. Он содержит в себе целый спектр родственных переживаний и находится под постоянным влиянием других эмоциональных процессов и состояний.

Конструирование женских страхов

Описанные выше женские эмоциональные переживания, связанные с угрозой насилия со стороны мужчин, находятся под влиянием представлений об опасности. Их воспроизводство происходит при участии различных агентов. Конструирование страха начинается с детства, в процессе родительского воспитания и контроля, и продолжается в более взрослом возрасте как со стороны родителей, так и со стороны знакомых, друзей и партнеров, а также под влиянием медийного производства символов (например, в фильмах, телевизионных передачах).

«...как бы, родители мне с детства всегда говорили, что, ну, не знаю... Возможно, эта часть, что мама всегда говорила, что “поздно ночью одна не возвращайся, потому что мало ли что сделают”» (интервью № 5, 25 лет).

«В фильме “Необратимость” есть совершенно длинная, смакованная и довольно натуралистично снятая сцена изнасилования главной героини в переходе. И, ну, это довольно сильный образ» (интервью № 1, 21 год).

Эти агенты воспроизводства страха и тревоги могут использовать гендерный аргумент – обращаться к образу уязвимой перед насилием со стороны мужчин женщины (Bondi, Mehta, 1999), обосновывая необходимость того или иного поведения.

«У меня, может, там друзья тоже... У нас не очень уважают, когда там девушка где-то поздно находится. Не принято так делать поэтому» (интервью № 8, 20 лет).

Идентификация с гендером, подразумевающая усвоение определенного дискурса об уязвимости (Bondi, Mehta, 1999), приводит к конструированию страха перед насилием со стороны мужчин. Свой вклад в возникновение и усиление тревоги и страха вносит внешний вид горожанок, когда он делает их заметными, «видимыми» в ситуациях малолюдности в темное время суток. В первую очередь, женщины могут ощущать себя «видимыми», потому что могут быть внешне идентифицированы как «уязвимая женщина». Значение имеет привлекающая внимание одежда – яркая, праздничная, необычная, непривычная. Ощущая себя в ней более заметными для других, чем обычно, горожанки могут испытывать тревогу при передвижении по городу. Ощущение небезопасности также возникает из-за возможности идентифицировать их как представительниц, например, одной из кавказских или азиатских национальностей. В этом случае возникает дополнительный страх перед столкновением с мужчинами, проявляющими ксенофобию. Женские страхи перед насилием, таким образом, оказываются сконструированными социально и апеллируют к гендерной идентичности. Однако само их переживание происходит в определенных городских ситуациях.

Сочетания пространственных историй, вызывающие страх и тревогу

Ранее я вводила категорию пространственных историй как процессов изменения различных элементов пространства – движения людей, изменения и движения материальных объектов, природных ритмов. Страх и тревога возникают в результате взаимодействия передвигающихся по городу горожанок с сочетаниями других пространственных историй: с «безопасными» людьми; с людьми, от которых может исходить угроза безопасности; с материальной средой города, транспортом; со временем дня. Все эти элементы сцеплены друг с другом, поэтому их разделение достаточно условно и служит способом структурировать результаты.

Страх и тревога, о которых идет речь, появляются в результате действия гендерного порядка, при котором существует неравенство женских и мужских пространственных историй. Мужчины воспринимаются как обладающие большей властью, как источники угрозы, иногда независимо от их действий. Пространственным выражением любого иерархического порядка, по мнению Дорин Мэсси, является геометрия власти (Massey, 2005), которая, как и все остальные пространственные процессы в версии Мэсси, изменчива и подлежит постоянному оспариванию и переопределению. Мэсси не предлагает категории, позволяющей описать подобную трансформацию. Я предлагаю помыслить ее как стратегию совладания (Valentine, 1989; Bondi, Mehta, 1999; Koskela, 1997), которая связана со стремлением женщин повлиять на сложившуюся геометрию власти, но носит скорее реактивный, оборонительный характер. Она может расшатывать сложившиеся отношения власти, но не может кардинально изменить их.

Категоризация человеческих пространственных историй

В первую очередь я рассмотрю пространственные истории тех людей, на которых обращали внимание информантки. При передвижении по городу женщины определенным образом категоризируют других людей с точки зрения опасности и безопасности. Отнесение к той или иной категории основано на визуальном восприятии внешнего вида человека и его поведения. Значение также имеет присутствие других пространственных историй и оценка их «сдерживающей» силы, то есть возможности контролировать потенциально опасное поведение.

Первая категория – «сомнительные/подозрительные личности». Это обозначение использовали сами информантки. Так, были названы мужчины, которые отличаются по тем или иным признакам – другой этнической группе, более низкому социальному положению, слабому контролю над собственным поведением или подверженности влиянию группы. В некоторых случаях внимание обращается также на физические возможности таких людей для определения расстановки сил, то есть возможностей для самозащиты. К «сомнительным личностям» относятся: мужчины, находящиеся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, представители определенных этнических групп (кавказских и азиатских прежде всего), одетые грязно, неопрятно; мужчины, лица которых закрыты, их нельзя разглядеть и потому нельзя однозначно категоризовать как «безопасных» (одна из информанток назвала их «закрытые люди»); шумные, агрессивные компании мужчин и подростков.

Важно подчеркнуть, что категория «сомнительных личностей» не сводится исключительно к выделенным типам. Причисление к ней зависит от ситуации, а те категории, которые были выделены, являются наиболее универсальными, стереотипными. Появление «сомнительных личностей» вызывает тревогу и

страх как в случае демонстрации агрессивного, возбужденного поведения, словесного вторжения в личное пространство женщин, домогательств, так и при отсутствии каких-либо действий вообще. Страхи, таким образом, воспроизводят себя независимо от того, насколько оправданными являются опасения. Стоит отметить, что информантки не ожидали угрозы своей безопасности от других женщин¹. Их присутствие, напротив, может восприниматься как признак безопасности, если вместе с другими историями происходит формирование «сдерживающего» сочетания.

Другая категория – «безопасные другие» (выделено мной в ходе анализа). Она включает в себя незнакомцев, находящихся вокруг, проходящих мимо, чье присутствие в данном месте легко вписать в типичные городские пространственные истории и при этом их внешний вид вызывает доверие.

«Знаешь, выходят люди с автобуса. Ну, там несколько человек, процентов пять, и я вместе с ними, пойдет в мою сторону. Я знаю, что люди обычно идут с работы, с сумками какими-то, там женщины, мужчины, с рюкзаками там, любого возраста. То есть обычные люди, они идут домой, все, не вызывая себя ведут» (интервью № 4, 22 года).

Третья категория – «спутники» (выделено мной в ходе анализа). Передвижение в компании другого человека, мужчины или женщины, становится примером стратегии совладания со страхом и тревогой. Спутники могут восприниматься как «сдерживающие» пространственные истории, которые окажут помощь или своим присутствием предотвратят какие-либо угрозы. Передвигаясь в компании кого-либо, женщины могут ощущать эмоциональный комфорт просто от присутствия другого человека. В некоторых случаях самого факта присутствия оказывается недостаточно, и значение приобретает его/ее физические способности, внешний вид и социальные компетенции.

«Удивительно, даже если это такая же подруга, как я, которая, в принципе, даже ничего не может сделать, мне с ней спокойнее, чем одной. Не знаю почему, хотя, не знаю, нас двое, мы ничего не сможем, но вдвоем как-то легче» (интервью № 8, 20 лет).

«Ну, в Серегине и Санине (друзья – Я. Б.) есть пацанская уличная культура, они ее знают. Они обладают достаточной физической силой, сноровкой и так далее, чтобы в случае там появления реальной опасности что-то сделать. Более того, посмотрев на них, часть людей просто не начнет какой-то конфликт» (интервью № 1, 21 год).

Однако в некоторых ситуациях сами спутники могут стать причиной страха и тревоги. Женщины начинают беспокоиться как за себя, так и за своих спутников из-за их небезопасного поведения или внешнего вида. Таким образом, было бы сильным упрощением сказать, что передвижение в компании другого человека вызывает чувство полной безопасности.

«И тут выходит компания пьяных мужиков из магазина и начинает ругаться между собой, и видно, что они не очень адекватные... Было очень страшно. Прямо казалось, что если они увидят, что это мальчик <в платье и с макияжем>, то сейчас прямо прилетит» (интервью № 2, 21 год).

¹ Я допускаю, что существуют обратные кейсы, демонстрирующие, что женщины воспринимают других женщин как потенциальных агрессоров.

«Да, с ней (с подругой – Я. Б.) я буду чувствовать большую опасность, большую-большую, огромную-огромную. Потому что, если особенно в этот момент она не трезва, она даже в потенциально опасных ситуациях, она входит в них с удовольствием. Ну, потому что ей срывает крышу» (интервью № 1, 21 год).

Пространственные истории материальной среды города

Городские ситуации, в которых у женщин возникает ощущение страха и тревоги за собственную безопасность, связаны с существенным сокращением разнообразных человеческих историй, что возникает преимущественно в темное время суток. Отсутствие людей в сочетании с материальной городской средой (улицы нецентральных районов, парки, дворы домов, подземные переходы, подъезды домов) создают ситуацию неопределенности и как следствие могут вызывать страх и тревогу.

«...ты вроде знаешь, что тебе никто не может причинить вред, потому что никого нет, а во втором случае, если кто-то неожиданно появится, то тебя никто не спасет. И ты вроде как бы хотел бы, чтобы кто-то был, но вроде тебе и не страшно, что никого нет. И такое... Нехорошее ощущение в этом плане» (интервью № 3, 21 год).

Наличие освещения далеко не всегда предотвращает тревогу, если оно не связано с другими «сдерживающими» историями, прежде всего «безопасными другими». Но его отсутствие или недостаток может восприниматься достаточно остро в ситуации безлюдности/малолюдности, если женщины ожидают угрозы своей безопасности. Такие ожидания, например, могут не возникать в рутинизированных пространствах.

«Там, где детские площадки и деревья, там все темно. И когда ты идешь и слышишь какие-то хихиканья оттуда, это очень стремно» (интервью № 4, 21 год).

«...именно в парке (рядом с домом – Я. Б.), когда ты вообще один, и там пусто, и никого нет, и не освещено.... Ну, не знаю, это воспринимается нормальной частью парка. То есть ненормально – это когда там один человек идет к тебе навстречу» (интервью № 1, 21 год).

Появление «неопознанных» историй (шумов, шагов) в ситуации безлюдности может усиливать тревогу и страх из-за невозможности идентифицировать, категоризовать человека. Историей в таких сочетаниях может становиться также «преследующая машина» – автомобиль, который при слабом транспортном потоке или его отсутствии едет медленно. В таких ситуациях происходит изменение характера передвижения, с целью сделать данные истории видимыми, понятными или избежать столкновения с ними: обернуться, ускорить или замедлить шаг, остановиться. Далеко не всегда присутствие человеческих историй препятствует возникновению страха и тревоги. Это связано с тем, что окружающие могут оцениваться исходя из их «сдерживающей» способности, то есть способности контролировать поведение потенциальных агрессоров.

Безлюдность и малолюдность могут остро восприниматься на неблагоустроенных и нежилых территориях, например, складских или околосовхозных районах, территориях близких к лесопарковым зонам, а также в самих парках и лесопарках. При этом женские пространственные истории и вовсе могут не

связываться с этими местами из-за представлений об их небезопасности. В аналогичных ситуациях страх и тревога возникают в незнакомых спальных районах из-за незнания маршрутов передвижения, расположения тех или иных объектов. Кроме того, тревогу может вызывать негативный образ района, связанный, в частности, с преступностью.

«Там одногруппники Чертаново обсуждали, какие-то такие районы (смеется). Сразу, если туда приезжаешь, то ты уже понимаешь, что там мне лучше вести себя осторожно» (интервью № 4, 21 год).

В случае знакомства горожанок с городской средой (районом, улицей) на чувство безопасности большее влияние оказывает появление «сомнительных личностей», нежели характеристики материальной среды. В рутинизированных пространствах именно столкновение с ними вызовет страх и тревогу при отсутствии «безопасных других», которые могут играть сдерживающую роль.

«Я приезжаю на остановку, перехожу дорогу, через дорогу. ... Вот у Сбербанка, чаще всего там какая-то группка сомнительных личностей толчется. ... видно, что они подвыпившие или вообще алкоголики какие-то, либо они просто такие... ну, какие-то странные» (интервью № 4, 21 год).

Центр города воспринимается при этом как преимущественно безопасный, так как представляет собой концентрацию «сдерживающих» историй. Благоустроенная и освещенная городская среда с камерами наблюдения, сотрудниками полиции и частных охранных предприятий, а также различные заведения, работающие в позднее время, – устойчивые сочетания таких историй формируют иной тип «темного времени суток».

«Там, условно, в Москве (в центре – Я. Б.), если человек идет в 11 часов ночи по улице, он реально может просто гулять. И... это просто режим жизни, который есть в Москве» (интервью № 1, 21 год).

Возникающее ощущение безопасности может нарушаться при перемещении с центральных улиц в переулки. В сочетании с меньшей освещенностью и малолюдностью они ощущаются как менее безопасные. В случае если в них есть люди, характер социальной жизни может предполагать неконтролируемое поведение мужчин. В качестве примера можно привести многолюдные пивные бары в переулках. Иными словами, даже условный «центр» не является устойчиво безопасным пространством и зависит от сочетаний человеческого и материального.

«...если ты проходишь Чистые пруды и с бульвара поворачиваешь в переулки, ты понимаешь, что переулки, чисто в теории, потенциально гораздо более опасное пространство. К тому же там очень много баров, как бы очень много людей, которые потенциально могут... (не заканчивает фразу – Я. Б.)» (интервью № 1, 21 год).

Сочетание транспорта (метро, автобусы, электрички) с малым количеством человеческих историй и появлением «сомнительных личностей» становится источником тревоги/страха. Это может происходить из-за ограничения мобильности, небольших возможностей телесного передвижения в закрытом пространстве. В случае поездок на такси, для информанток имеет значение то,

относится ли оно к какому-либо сервису, подразумевающему контроль водителя (например, Яндекс-такси). Присутствие таких незримых «сдерживающих» историй вызывает доверие и создает ощущение безопасности. Я привожу эти примеры с целью показать, что женские пространственные истории разнообразны – они не ограничиваются ходьбой и включают в себя взаимодействие с разнообразными транспортными историями, в которых складывается специфическая геометрия власти.

В завершение схематичного описания городских ситуаций, в которых страх и тревога становятся частью женских историй, я бы хотела обратить внимание на то, что ни одна из них не является безусловной. Можно лишь предположить, что та или иная городская ситуация вызовет у какой-либо женщины соответствующие эмоции, обозначить имеющие значение истории.

Стратегии совладания как способ изменения геометрии власти

Я описала некоторые сочетания пространственных историй, в которых возникающее неравенство вызывает у женщин страх и тревогу. Горожанки предпринимают некоторые действия для совладания с такими городскими ситуациями, для изменения геометрии власти. Такие действия описываются в феминистской географии как «стратегии совладания». Прежде всего это стратегии, связанные с избеганием потенциально опасных ситуаций: избегание определенных мест, изменение маршрута, характера ходьбы или способа передвижения (взять такси).

«... пустынная улица, и я впереди вижу неадекватных пьяных мужиков, то есть я понимаю, что как бы лучше перейду на другую сторону улицы, нежели буду идти мимо этих пьяных мужиков, тем самым думая, что “нет страхов, я пройду, они пройдут”» (интервью № 5, 25 лет).

Другой тип – защитные стратегии. Он связан с предотвращением угрозы или с защитой в случае ее возникновения. Такие стратегии подразумевают возникновение «сдерживающих» историй, например, передвижение в компании другого человека или имитацию разговора по телефону. К этому типу также относится самозащита, например, ношение газового баллончика или готовность применить приемы самообороны.

«За нами с подружкой увязалась компания. Я в какой-то момент вытащила газовый баллончик и под рукав взяла. Ну, просто там шли и говорили: “Давайте их схватим за рюкзак” или что-то такое. И я: “Э, нет. Если ты схватишь, ты получишь”» (интервью № 4, 22 года).

Защитной стратегией можно назвать усиление контроля сочетания пространственных историй здесь-и-сейчас. Контроль связан с сенсорным проживанием пространства: внимательным отношением к изменениям, происходящим в окружающей среде, в частности, к звукам и движению. Его проявлением также является регуляция своего физического состояния, способности противостоять угрозам.

«Выключаю музыку в наушниках всегда, чтобы контролировать ситуацию. Чаще оглядываюсь по сторонам, стараюсь быть внимательной. Ну да, избежать и быть внимательной в таких ситуациях» (интервью № 8, 20 лет).

«Я не пью в незнакомых компаниях. И уж тем более не пью, когда не знаю, как я буду возвращаться. Ну, могу выпить там бокал. Когда мне надо возвращаться домой непонятным способом или там включающим передвижение по городу» (интервью № 2, 21 год).

Последний тип стратегий, который я выделяю – эмоциональная и телесная работа. Горожанки совершают телесную работу для демонстрации уверенности или, напротив, для становления «невидимой», менее заметной. Другим проявлением этого типа стратегий становится рационализация ситуации, убеждение себя в отсутствии причин для переживания. Страх и тревога, таким образом, не просто переживаются, но активно перерабатываются на уровне эмоциональных практик.

Таким образом, женщины изначально планируют свое передвижение из соображений безопасности и изменяют его под влиянием происходящих событий. Такие изменения накладывают некоторые ограничения на процесс телесного и эмоционального проживания города, что воспринимается ими как вполне рутинная часть городской жизни.

Заключение

В этой работе я ставила вопрос о том, в каких городских ситуациях женщины, перемещающиеся по городу, испытывают страх и тревогу, связанные с угрозой насилия со стороны мужчин. Я использовала идеи Дорин Мэсси для описания городского пространства как продукта сочетаний разнообразных пространственных историй или, иначе, процессов изменения элементов городской среды: людей, материальной среды, природных ритмов. Страх и тревога были рассмотрены как часть процесса эмоционального и сенсорного восприятия взаимодействий таких историй. Язык описания, который был использован, позволяет избежать статичного взгляда на городское пространство как сети мест и подчеркнуть его событийность.

Страх и тревога перед насилием со стороны мужчин являются переживаниями, социально сконструированными через действия разных агентов. Главный аргумент процесса конструирования этих эмоций – женская гендерная идентичность. На уровне повседневной городской жизни эти переживания возникают в результате определенных сочетаний человеческих и не-человеческих пространственных историй. При таких сочетаниях возникают гендерные порядки, которые характеризуются неравенством женских и мужских пространственных историй. Неравенство воплощается в том, что женщины ожидают угрозы независимо от действий мужчин. Для расшатывания складывающейся геометрии власти женщины вырабатывают определенные стратегии совладания, которые влияют на то, как они планируют свои передвижения, на их поведение и эмоциональные практики. Анализ сочетаний пространственных историй показывает, что такие гендерные порядки неустойчивы и ситуативны. Достаточно сложно создать «формулу» возникновения страха и тревоги, но возможно в общих чертах определить, на какие городские ситуации обращают внимание сами женщины.

Литература

- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практикс, 2011.

Симонова О. А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 4. С. 12–27.

Серто де М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Augoyard J. F. Step by Step: Everyday Walks in a French Urban Housing Project. 2007.

Barbalet J. Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Bondi L., Mehta A. Embodied discourse: on gender and fear of violence // Gender, Place, and Culture. 1999. Vol. 16. № 1. P. 64–84.

Bondi L., Rose D. Constructing Gender, Constructing The Urban: a review of Anglo-American feminist urban geography // Gender, Place and Culture. 2003. Vol. 10. № 3. P. 229–245.

Bourke J. Fear and Anxiety: Writing about Emotion in Modern History // History Workshop Journal. 2003. № 55. P. 111–131.

Day K. Constructing Masculinity and Women's Fear in Public Space in Irvine, California // Gender, Place & Culture. 2001. Vol. 2. № 8. P. 109–127.

Furedi F. Culture of Fear Revisited. London: Continuum, 2006.

Furedi F. The only thing we have to fear is the «culture of fear» itself // American Journal of Sociology. 2007. № 32. P. 231–234.

Koskela H. «Bold Walk and Breakings»: Women's spatial confidence versus fear of violence // Gender, Place and Culture. 1997. Vol. 4. № 3. P. 301–319.

Koskela H., Pain R. Revisiting fear and place: women's fear of attack and the built environment // Geoforum. 2000. Vol. 31 № 2. P. 269–280.

Lorimer H. Cultural geography: the busyness of being «more-than-representational» // Progress in Human Geography. 2005. Vol. 29. № 1. P. 83–94.

Massey D. For space. London: Sage, 2005.

Massey D. Space, place, gender. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.

Pilcher J., Whelehan I. Fifty Key Concepts in Gender Studies. London: Sage, 2004.

Sheller M., Urry J. The New Mobilities Paradigm // Environment and Planning. 2006. Vol. 38. P. 207–226.

Thrift N. Non-representational theory. Routledge, 2008.

Tudor A. A (macro)sociology of fear? // Sociological Review. 2003. Vol. 51. № 2. P. 238–256.

Valentine G. Images of danger: women's sources of information about the spatial distribution of male violence // Area. 1992. Vol. 24. № 1. P. 22–29.

Valentine G. The Geography of Women's Fear // Area. 1989. Vol. 21. № 4. P. 385–390.

Wilson E. The Sphinx in the City: Urban Life, the Control of Disorder, and Women. London: Virago Press, 1991.

Дата поступления: 03.02.2019

Fear and Anxiety as a Part of Women's Spatial Stories in the City

DOI: 10.19181/inter.2019.17.3

Yana Bagina

Bagina Yana – master student of the Faculty of Social Sciences National Research University Higher School of Economics (Moscow), yana.bagina@yandex.ru.

This paper considers women's fear of male violence experienced in motion. The topic has been developed in the Anglo-American feminist geography and criminology in the 1970–90s. I attempt to describe urban contexts of fear of male violence considering women everyday mobility. As theoretical framework I use work by geographer Doreen Massey, supplemented by ideas from emotional geography and sociology of emotions. I collected 10 semi-structured interviews with young women aged 18 to 25 years old. All of them are residents of non-central districts of Moscow and Moscow region. The analysis includes two parts. In the first part I try to draw the line between fear and anxiety as close but different emotions. I also talk about construction of women's fear of a male violence and different agents involved in the social construction of threats. In the second part I describe conjunctions of spatial histories as gender orders, in which women's fears are reproduced regardless of actual male threat. I consider conjunctions of material environment (streets, transport, lighting, etc.), human stories ("not suspicious people", "suspicious people", "companions"), natural stories (time of day) as fluid, unstable and situational. I conclude that it hardly can be any "formula of women's fear". Fear and anxiety significantly affect women's spatial stories. I give examples of coping strategies women take to change the geometry of power within such gender orders.

Keywords: spatial stories, fear, anxiety, women, gender order, city, coping strategies.

References

- Bauman Z. (2008) Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity], St. Petersburg: Piter.
- Beck U. (2000) Obshhestvo riska: na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow: Progress-Tradiciya.
- Giddens A. (2011) Posledstviya sovremennosti [The Consequences of Modernity], Moscow: Praksis, 2011.
- Certeau de M. (2013) Izobretenie prostranstva. 1. Iskusstvo delat' [The Invention of everyday life. 1. The Art of Doing], St. Petersburg.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Simonova O. A. (2016) Bazovy'e principy` sociologii e`mocij [Basic Principles of The Sociology of Emotions]. Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy, no 4, pp. 12–27.
- Augoyard J. F. (2007) Step by Step: Everyday Walks in a French Urban Housing Project. London: Univ. of Minnesota Press.
- Barbalet J. (1998) Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bondi L., Mehta A. (1999) Embodied discourse: on gender and fear of violence. Gender, Place & Culture, no 1, pp. 67–84.
- Bondi L., Rose D. (2003) Constructing Gender, Constructing the Urban: a review of Anglo-American feminist urban geography. Gender, Place & Culture, no 3, pp. 229–245.
- Bourke J. (2003) Fear and Anxiety: Writing about Emotion in Modern History. History Workshop Journal, no 55, pp. 111–131.
- Day K. (2001) Constructing Masculinity and Women's Fear in Public Space in Irvine, California. Gender, Place & Culture, no 8, pp. 109–127.
- Furedi F. (2006) Culture of Fear Revisited, London: Continuum.

- Furedi F. (2007) The only thing we have to fear is the «culture of fear» itself. *American Journal of Sociology*, no 32, pp. 231–234.
- Koskela H. (1997) «Bold Walk and Breakings»: Women's spatial confidence versus fear of violence. *Gender, Place & Culture*, no 3, pp. 301–319.
- Koskela H., Pain R. (2000) Revisiting fear and place: women's fear of attack and the built environment. *Geoforum*, no 2, pp. 269–280.
- Lorimer H. (2005) Cultural geography: the busyness of being «more-than-representational». *Progress in Human Geography*, no 1, pp. 83–94.
- Massey D. (2005) *For space*, London: Sage.
- Massey D. (1994) *Space, place, gender*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Pilcher J., Whelehan I. (2004) *Fifty Key Concepts in Gender Studies*, London: Sage.
- Sheller M., Urry J. (2006) The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning*, 2006, vol. 38, pp. 207–226.
- Thrift N. (2008) *Non-representational theory*, London: Routledge.
- Tudor A. (2003) A (macro)sociology of fear? *Sociological Review*, no 2, pp. 238–256.
- Valentine G. (1992) Images of danger: women's sources of information about the spatial distribution of male violence. *Area*, no 1, pp. 22–29.
- Valentine G. (1989) The Geography of Women's Fear. *Area*, no 4, pp. 385–390.
- Wilson E. (1991) *The Sphinx in the City: Urban Life, the Control of Disorder, and Women*, London: Virago Press.

Received at: 03.02.2019